

Владимир Абрамов

**ФУТБОЛ,
деньги и те, кто рядом**

Издательство АСТ
Москва

УДК 796.332

ББК 75.578

А 16

Абрамов, Владимир.

А 16 Футбол, деньги и те, кто рядом / В. Абрамов. — Москва: Издательство АСТ, 2018. — 416 с. — (Звезда футбола).

ISBN 978-5-17-108252-9.

Громкие трансферы звезд нашего футбола — Дасаева, Заварова, Родионова, Черенкова, Блохина, Кирьякова, Бубнова, Тишкова, Шмарова, Шавло, Сарычева и многих других незаурядных футболистов, а также работа Бескова, Бышовца, Лобановского, Непомнящего, Бердыева, Сёмина, Слуцкого, Черчесова и, конечно, Сарсания являются темой увлекательных рассказов и эссе, написанных рукой известного футбольного агента.

Эта книга служит во многом ответом автора на просьбы любителей спорта написать о том, как на самом деле вершился процесс трансформации советского любительского футбола в российский профессиональный, со всеми достоинствами и недостатками, характерными для развития спорта в рамках капитализма, где большие деньги и управление их потоками являются главными рычагами для достижения результатов.

УДК 796.332

ББК 75.578

ISBN 978-5-17-108252-9.

© Абрамов В.

© ООО «Издательство АСТ»

*Памяти Константина Сергеевича Сарсания,
лучшего российского футбольного менеджера
и агента РФС, а также тренера
и советского футболиста посвящаю...*

«Деньги тем всего подлее и
ненавистнее, что они даже
таланты дают. И будут давать
до скончания мира»

Ф. М. Достоевский «Идиот»

В нежном объятии Газпрома

«Чтобы купить хорошего футболиста за большие деньги мозгов много не надо. Как купить игрока или тренера, нисколько не переплачивая? В этом и состоит задача агента.»

**Из интервью
Константина Сарсания
газете «Спорт-Экспресс»
от 13.04.2017 г.**

В конце мая 17-го года, когда до наступления календарного лета оставалось каких-то несколько дней, а теплый воздух с Атлантики застрял где-то на полпути, в нашем городе было так же серо и холодно, как, наверное, тогда, в Петрограде в ноябре ровно сто лет назад. К тому же длинные ряды черных липовых деревьев, привезенных зимой из Германии и заботливо высаженных вдоль центральных улиц Москвы, казалось, так и не собирались просыпаться, нарушая торжественное обещание, данное мэром горожанам превратить центр столицы в цветущий сад.

«Где ты, май-весельчак? Где ты, май-чародей?», удивленно округляли глаза да громко каркали недовольные вороны, карабкаясь по крашеным решеткам городских помоек.

Тот воскресный вечер ничем не отличался от предыдущих, таких же скучных и по-осеннему мерзких. Манящие огни отеля класса «люкс» с завораживающим видом на кремлевские звезды, что приветливо распахивал двери респектабельному гостю в самом начале Тверской, тонули в серой массе низких облаков. Плотная череда роскошных лимузинов, припаркованных вдоль фасада современного дворца, в этот поздний час уже не служила препятствием для пешеходов почти опустевшей улицы. Там, за дверью, среди холодной каменной роскоши в теплом уюте лобби-бара, звучала нежная и до боли знакомая песня. Четкая фразировка и широкий диапазон голоса демонстрировали высокое мастерство исполнительницы. Эротический шелест внятно произносимых английских слов располагал к душевному покою.

*«Please do it,
let's just do it,
let's fall in love» —*

разносился по залу зазывный голос, переходящий в шепот, словно певица желала заставить всех внимать ее требовательному призыву. Несколько мужчин седовласых и не очень в дорогих деловых костюмах и элегантной обуви сидели за круглым столом вдали от стойки бара и тихо беседовали, не перебивая друг друга. Время от времени они поднимали головы и, позвякивая чайными ложечками по тонким стенкам фарфоровых чашек, невольно устремляли взгляд на плазменный экран, в углу которого ежеминутно, словно счетчик, появлялись цифры с ценами за бочку сырой нефти да мельтешили валютные курсы ЦБ.

Они не слушали, о чем пела блюз певица, поскольку разговор касался денег, точнее, не просто денег, а очень больших денег... Итальянский гость с глазами смиренного святоши не произносил ни слова, он только слушал, как президент «Зенита» вещал о проблемах клуба, не углубляясь в детали. На худощавом и небритом лице Сергея Фурсенко в эту минуту не сияла гостеприимная улыбка, — он был по-деловому сосредоточен, словно боялся упустить важный довод в своих суждениях, и лишь глаза выражали какое-то беспокойство. Константин Сарсания казался более безмятежным, особенно когда пробовал переходить с английского на итальянский, отчего на его слегка полноватых губах все время играла добродушная улыбка. Наконец собеседники поднялись с кресел. Константин Сергеевич застегнул свой узковатый для его мощной фигуры пиджак и, поджав губы, медленно провел ладонью по животу, будто разглаживал образовавшиеся складки, и игриво подмигнул молоденькой официантке, которая подошла, чтобы убрать со стола посуду. Утомленные долгим разговором, именитые функционеры клуба пожали руку Роберто Манчини, по лицу которого так и нельзя было определить, доволен ли он предварительной встречей, и насколько озвученные цифры соответствовали его ожиданиям. Утром в понедельник, 29 мая, темный лимузин, отъехав от отеля, свернул с Тверской на Охотный ряд и взял курс на Намёткина, в район Черёмушек.

Бог мой, каждый раз, когда мне приходится бывать в тех краях, по моему мнению, не самых приметных в городе, я не могу сдерживать улыбку. Возможно, это оттого, что именно здесь, на Намёт-

кина, прошли мои отрочество и юность. Правда, тогда эта улица вместе с Каховкой называлась Большой Зюзинской, и по ней до метро «Новые Черемушки» курсировал 156 — ой автобус. Почему-то всегда вспоминается один забавный случай, приключившийся со мной в далеком 69-м году. Тогда, в конце мая, наша учительница с радостью в голосе сообщила нам, что в следующий, восьмой класс, мы все пойдем в другую, только что отстроенную рядом с нашей, 658-ю школу с большим спортзалом на втором этаже, из широких окон которого открывался вид на такой же новенький, и уже работающий кинотеатр «Одесса». В тот жаркий последний учебный день мая в кинотеатре демонстрировался голливудский фильм «Чемпион» с Кирком Дугласом в главной роли. Все наши ребята и я с ними тоже помчались к кассам, чтобы успеть на дневной сеанс по 25 копеек за билет. Имя Дугласа было тогда у нас на устах, потому что он сыграл роль Спартака в нашумевшем у нас в стране фильме. Теперь перед нашим взором он предстал в образе профессионального боксера, который ежедневно менял модные костюмы, разъезжал на дорогих авто и любил красивых женщин. А Мерилин Максвелл, яркая платиновая блондинка удивительной красоты с повадками агрессивной акулы давала понять, что ее прелести стоят очень дорого и по карману была только знаменитым спортсменам или их так называемым менеджерам, которые курили дорогие сигары, сидя в креслах, и пили маленькими глотками напитки из бутылок с красивыми этикетками. Это неведомое слово «менеджер» мы впервые услышали оттуда, из этого самого фильма. Но Колька Воробьев, мой закадычный друг, знал всегда чуть больше, чем все остальные. Он-то и поведал нам, что менеджер это все равно, что спортивный агент, тот, кто всегда остается в тени, но именно он часто и определяет правила игры на рынке. Дело было в том, что Колькин брат закончил институт Мориса Тореза и уже стал работать переводчиком в «Интуристе». Он-то и объяснил моему другу, что купить все это: красивые машины, модную одежду, напитки и т.д. на наши рубли было нельзя, а осуществить мечты давали возможность только доллары или другая валюта. Но как стать спортивным менеджером, не знал в ту пору никто, даже он. А вот операции с долларами и другой иностранной валютой у нас в стране могли официально вести только сотрудники ВТБ, и устроиться туда работать можно было, лишь закончив финансовый институт, а именно факультет МЭО. Мне вдруг очень захо-

телось туда поступить, но мои друзья только смеялись над моей наивной мечтой. В нашей стране действительно были некоторые проблемы, и далеко не все можно было купить на рубли, но что-то все-таки можно было, чтобы стать хоть чуть-чуть похожим на Кирка Дугласа.

Нас было четверо, плюс Наташка Терехина. Она в нашем классе почему-то предпочитала водиться больше с мальчишками, сама неплохо играла в футбол, и в свои 13 лет уже была дылдой, повыше всех нас. Нашего объединенного капитала, увы, было меньше пяти рублей. Зато Натаха с ее способностями перевоплощаться уже смогла легко, как взрослые, купить в магазине все, что было тогда нам, школьникам, запрещено: оригинальную по форме бутылку виски «Клуб — 99» непонятного происхождения, да длинную и толстую, настоящую, без подделки, гаванскую сигару в алюминиевом футляре за 55 копеек точно в-точь, как у того менеджера из фильма «Чемпион». Счастливые, мы все запрыгнули в автобус и, проехав совсем чуть-чуть, вышли на остановке с красивым названием «Херсонская». Собственно, это был глубокий овраг, где на самом дне протекал вонючий ручей, да квакали лягушки. Там редко можно было кого-либо встретить, и потому именно там мы решили спокойно отметить переход в восьмой класс, не опасаясь за последствия. Там, в зарослях репейника и горькой на вкус полыни, мы культурно расселись по кочкам. Этот виски оказался отвратительным на вкус и наконец стало ясно, почему его никто не пил у нас в стране, а сигара, которую с трудом пробовал раскурить Колька, была горькой и вонючей. В конце концов, мой друг, знаток «Дымка» и «Явы», бросил эту дурацкую затею и, переломив толстую сигару пополам, выбросил ее в грязный с синевой ручей. Пить виски мы больше не захотели, и Наташка демонстративно вылила почти всю бутылку себе под ноги. Потраченных денег было, конечно, жалко, ведь мы могли купить колбасы и газировки, но тогда было бы как-то буднично и совсем не интересно. А так мы вылезли из глубокой ямы и отправились гонять в футбол на край оврага, туда, где на глинистой лужайке на самом углу Херсонской стояли грубо сколоченные из старых бревен неказистые ворота без сетки.

Глубокий и длинный овраг не сразу и давно засыпали, и теперь на этом самом месте большими синими окнами сияет центральный офис «Газпрома», к воротам которого и подъехал

тот самый «Мерседес» с Тверской. Алексей Борисович встречал Роберто в своем большом кабинете, украшенном по случаю приезда тренера атрибутами зенитовской славы. Эта встреча, в преддверии подписания контракта в Петербурге, служила некоей финансовой гарантией руководства концерна не столько по обязательствам личного контракта недешевого тренера, сколько тех больших платежей, которые, как казалось, стоило только произвести, чтобы сразу, в один миг, команда преобразилась почти до неузнаваемости. Большая сумма личного контракта Манчини в прессе и на телевидении долго, как раньше, не муссировалась, — какая разница, четыре, пять или шесть миллионов, — народ привык к посильным тратам толстосума в лице мирового гиганта. Да и не было это заоблачным рекордом — история российского футбола уже знавала гораздо более высокие суммы тренерских контрактов. Всех интересовало другое: кого приведет с собой этот менеджер, именно так его именовали в Англии, когда он работал с «Манчестер Сити» и характерной чертой его деятельности являлась покупка для команды все новых и новых недешевых звезд и его способность добиваться с ними высоких результатов. Этот тренер «Зениту» нужен был, как воздух, потому что амбиции тренера можно было сравнить лишь с амбициями самого концерна «Газпром», который, по словам буржуазной прессы, был готов подмять под себя в том числе и всю Западную Европу.

Так уж, видимо, сошлось, что мое знакомство с «Зенитом», в том числе и тесное сотрудничество с этим клубом, состоялось именно тогда, когда в начале 2006 года владелец и одновременно председатель совета директоров этого популярного клуба удачно продал его структурам Газпрома.

Однако, если быть предельно точным, то знакомство это произошло несколько раньше, когда моему доброму другу и коллеге по бизнесу Константину Сергеевичу Сарсания пришлось в голову познакомить меня, заместителя директора фирмы в ОАО «Совинтерспорт», с Давидом Трактовенко, с которым, как оказалось, у Константина давно сложились теплые, как деловые, так и личные, отношения.

— А кто это такой? — спросил я Костю, пожимая в нерешительности плечами, стараясь вспомнить эту фамилию.

— Володя, ну ты даешь!- воскликнул Костя, обильно потея в тот жаркий московский день, стоя на солнцепёке у вхо-

да в особняк, где располагался наш офис. — Между прочим, это крупная величина в финансовом бизнесе Петербурга. Они с Коганом вместе. Тебе-то не знать! Ты же работал с Чемезовым и Путина, когда он был вице-мэром, встречал в стенах вашего особняка.

Я старался красноречиво молчать, чтобы окончательно не прослыть в глазах Константина полным невеждой. Тем не менее, Костя продолжал смотреть на меня с недоверием и, сделав многозначительную паузу, произнес:

— Ты же сам закончил финансовый институт, успел поработать в ВТБ, пять лет в Ливии прожил- работал по линии Газпрома! Ты обязан знать таких людей!

Его слова звучали упреком. Я хотел оправдаться.

— Послушай, когда я работал в Ливии на строительстве газопровода Брега-Миссурата по линии МВТ, таких организаций, как Газпром, еще и в помине не было. Был «Союззагрангаз».

Я бросил взгляд на Костю и спросил:

— А что, этот Трактовенко тоже работал за границей по линии «Союззагрангаза»?

— Да иди ты к черту со своими расспросами, — возмутился Константин. — Нигде он за границей не работал. Только в Афганистане служил офицером после окончания финансово-экономического института. Ты ведь тоже, по-моему, служил в тех краях?

— Нет, — ответил я, — мой младший брат там служил, а я только на границе с Афганистаном служил офицером, — два года занимался отправкой наших раненых и отвечал за «Груз-200». Но это было-то когда? Еще в 81-м году!

— Ну вот, — Костя развел в стороны свои мощные руки. — И он в то самое время, по-моему, там был. Я забыл, ты с какого года?

— С 56-го.

— И он тоже с 56-го! — почему-то обрадовано воскликнул Костя. — Вот, видишь, вы ровесники, одну специальность осваивали и в армии в одном должно быть округе служили, только он из Питера, а ты из Москвы.

— Ну ладно, — сказал я, — пусть так, а о чем, собственно, речь?

— Дело в том, что он владелец клуба «Зенит», хочет купить опорного полузащитника, молодого и опытного, желательно, игрока сборной, но, чтобы было не дорого.

— Понятно, что не дорого, — с иронией заметил я. — в противном случае, ты бы к другим обратился.

— Ладно тебе, прекращай, — буркнул Костя недовольно.

— Желание его понятно, да где же такого найдешь, — сказал я, глядя Косте в его большие, по — женски выразительные глаза с длинными ресницами. — Я уже слышал, что «Зениту» Райана Гиггза подавай или, еще круче, Руд Ван Нистелроя.

После моих слов Константин Сарсания широко улыбнулся.

— У «Зенита» денег на них нет, да и к Петржеле, которого взяли с моей помощью, они не поедут. Тут нужен другой тренер. Это все больше благие пожелания болельщиков. Гиггзу тридцать третий пошел, он еще «попылит» года три-четыре, но точно не у нас в клубе, а про Ван Нистелроя даже говорить не хочу, не по Сеньке шапка, и неважно, что он был долго травмирован и скоро ему тридцать. Давай рассуждать реально.

— Согласен, — сказал я, вздохнув не без сожаления.

— Ты сам как считаешь, — спросил Сарсания, — в Корею можно попробовать поискать? Давид дал добро. Ему эта идея показалась интересной. Давай, сейчас прямо позвони своим агентам, пусть пошустрят, может, кто на примете есть.

Мы поднялись в мой кабинет, и я набрал номер в Сеуле. Там был уже вечер, но рабочий день, к счастью, еще не закончился.

Чой Хо Кью — так звали известного южнокорейского футбольного агента, который успешно продвигал на азиатском рынке российских и украинских футболистов. Он взял трубку и со смехом спросил меня:

— У вас что, в России деньги на футболистов появились?

Я не отреагировал на ироничный тон и серьезно ответил:

— Главное- у нас в стране наконец появился хозяин клуба, который выразил желание иметь у себя в команде хорошего корейского футболиста, а конкретно- центрального полузащитника.

Чой немного подумал и сказал, что сам перезвонит мне через пару минут. Он действительно перезвонил так быстро, что мы с Константином даже не успели выпить по чашке кофе. Корейский агент возбужденным голосом сообщил, что у них на примете есть один игрок, ему полных 25 лет, он игрок сборной и даже успел сыграть за нее 15 игр, и, — добавил он торжествующе, — этого футболиста в сборную привел сам Гус Хиддинк,

правда, в основу тот попадал далеко не всегда, потому что был еще молодым, — добавил он в заключение.

У Константина засветились глаза.

— Спроси, а сколько стоит?— Нетерпеливо твердил, стоя рядом со мной, селекционер «Зенита».

Я задал вопрос о цене.

Чой, не долго думая, сказал, что если повезет, можно за пол-миллиона долларов купить со всеми правами.

Я озвучил ответ, хотя чувствовал, как Костя дышал у моего уха, прислонив лицо к трубке.

— Это хорошо, — одобрительно закивал головой он и взволнованно выпалил:— А за триста пятьдесят, спроси, не отдадут?

Я снова прильнул к трубке.

— Чой говорит, что надо на месте попытаться, но, возможно, придется основательно поторговаться.

Не теряя времени, Константин позвонил в Петербург Трактовенко.

— Давид Исаакович, есть в Корее хорошая кандидатура, думаю, как раз то, что вы хотите, но надо лететь и смотреть на месте.

— Лети, — распорядился Трактовенко. — Да и прихвати с собой нашего селекционера Сашу Бокия. У него хороший экспертный глаз.

Неделя ушла на оформление приглашения и визы в Корею, а тем временем Константин повез меня знакомиться с Трактовенко в Петербург. Давид Исаакович принял нас в своем банке. В его уютном кабинете нас ждали Черкасов и Бокий. Трактовенко объяснил, почему он хотел взять именно корейского футболиста, и подтвердил, что на его покупку у клуба найдутся средства, но далеко не значительные. Максимум, на что можно рассчитывать, так это триста пятьдесят тысяч, о чем раньше и говорил Костя. Это при том, что по личному контракту футболиста расходы были более, чем скромные: не более десяти тысяч долларов в месяц.

— А подъемные при подписании хотя бы тысяч тридцать дадите? — осмелился спросить я, для убедительности добавив: — Так называемый «signing bonus», общепринятая практика.

— Подумаем, — ответил Давид. — Возможно, тысяч двадцать в качестве пособия на первоначальное обзаведение мож-

но дать, — добавил он, пользуясь известной мне терминологией военного финансиста.

Президент петербургского клуба тогда произвел на меня очень благоприятное впечатление открытого, делового и ответственного человека. Его лицо мне действительно показалось знакомым. Я даже осторожно поинтересовался, не кажется ли ему, что мы могли встречаться когда-либо в Москве на студенческих научных конференциях или вдруг в Афгане? Давид с сомнением покачал головой. Действительно, прошло так много лет, чтобы быть в чем-то уверенным, поэтому я не настаивал. На прощание я подарил Давиду Исааковичу свою книгу. Он повертел ее в руках и, быстро перелистав, вдруг спросил, когда мы уже стояли на лестнице:

— Вы случайно не представляли интересы Бышовца в качестве агента на переговорах у нас в городе перед подписанием его контракта с «Зенитом»?

— Знаете, — покачал я головой, Анатолий Федорович после работы в Корее, где я действительно много лет представлял его интересы и вел все переговоры по продлению, с некоторых пор не нуждается в агентских услугах и юридическом сопровождении. Он все хочет делать сам. Правда, перед самым подписанием он звонил мне вечером из отеля, и мы часа полтора, пункт за пунктом, прорабатывали все условия контракта.

— И сколько же ему стоили ваши услуги? — улыбнувшись спросил президент.

— Нисколько, — не без гордости ответил я. — Признаюсь, он спрашивал, есть ли у меня пожелания, но я ответил, что не нужно ничего, если только клубную футболку «Зенита».

— И что же он, прислал? — в вопросе Давида звучало любопытство.

— Увы, — ответил я, — однако обещания своего он не забыл. Когда позднее стал тренером сборной страны, пригласил меня к себе домой и подарил в качестве компенсации свою футболку с гербом сборной.

Мы попрощались с президентом возле его машины, обменявшись дружеским рукопожатием. Уже намереваясь захлопнуть дверь, Трактовенко бросил взгляд на Бокия, который стоял рядом со мной, положив мне руку на плечо, и удивленно спросил:

— Вы оказывается знакомы?